

Жулий Юрий Валерьевич

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАБОТАХ К. МАРКСА 1844-1848 ГГ.

В статье дан анализ не выраженных прямо представлений К. Маркса о структуре диалектического противоречия, наложивших отпечаток на содержание работ немецкого мыслителя, написанных в период с февраля 1844 г. по февраль 1848 г. Обосновывается эвристическая ценность рассуждений К. Маркса для современного и актуального решения проблемы природы и структуры диалектического противоречия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 80-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Бергсон А. Философская интуиция // Новые идеи в философии. СПб., 1912. Т. 1. С. 1-28.
2. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
3. Ирина В. Р., Новиков А. А. В мире научной интуиции: интуиция и разум. М.: Наука, 1978. 192 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М.: ЭКСМО, 2007. 736 с.
5. Кармин А. С. Научные открытия и интуиция. Природа научного открытия. М.: Наука, 1986. 170 с.
6. Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М.: Наука, 1973.
7. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
8. Марков Б. В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 23-33.
9. Пирожкова С. В. Предвидение и его эпистемологическое основание // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 79-92.
10. Сорокин А. А. Идеальное, творчество и развитие человека // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 82-91.
11. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. М., 1957. 325 с.
12. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. Минск – М.: Харвест; АСТ, 2000. 991 с.
13. Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: в 2-х т. М., 1987. Т. 1. 637 с.; М., 1989. Т. 2. 636 с.
14. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск: Литература, 1998. 1406 с.

INTUITION PHENOMENON IN MAN'S COMPREHENSIVE RESEARCH SYSTEM

Liliya Richardi Danakari, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Volgograd State Academy of Physical Culture
liliya.danakari@yandex.ru

The author studies intuition phenomenon in historical-philosophical tradition and under the conditions of the contemporary pluralism of opinions, reveals its role and position in the comprehensive research of man, and mentions that the use of classical and non-classical traditions allows revealing anthropological specifics deeper, showing considerable heuristicity and fruitfulness of further scientific research of intuition, as well as determining new sides in human essence comprehension.

Key words and phrases: intuition phenomenon; rational; irrational; anthropology; individual; foresight.

УДК 122/129

Философские науки

В статье дан анализ не выраженных прямо представлений К. Маркса о структуре диалектического противоречия, наложивших отпечаток на содержание работ немецкого мыслителя, написанных в период с февраля 1844 г. по февраль 1848 г. Обосновывается эвристическая ценность рассуждений К. Маркса для современного и актуального решения проблемы природы и структуры диалектического противоречия.

Ключевые слова и фразы: диалектическое противоречие; структура; материалистическая диалектика; марксизм; Маркс.

Юрий Валерьевич Жулий

Кафедра философии

Сибирский федеральный университет

shooshpan@yandex.ru

**ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ
В РАБОТАХ К. МАРКСА 1844–1848 ГГ. ©**

Предметом настоящего исследования является имплицитное понимание структуры диалектического противоречия, нашедшее выражение в работах К. Маркса, написанных примерно с февраля 1844 г. по февраль 1848 г. Этот период ознаменовался переходом К. Маркса и Ф. Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

Обращение к вопросу о диалектическом противоречии, к этому специальному, хотя и ключевому аспекту диалектико-материалистической проблематики, интерес к которой в последнее десятилетие, в силу известных общественно-политических процессов, значительно упал, представляется сегодня чрезвычайно важным и необходимым. В ходе преодоления пороков советского периода с его широко распространенной идеологизацией и догматизацией философии научно-философская когорта нашей страны не сумела провести четкой границы между идеологическим и методологическим аспектами материалистической диалектики.

Этот факт недостаточно осмыслен. Ученые и философы, как правило, занимают одну из двух позиций в современной оценке материалистической диалектики: они либо «оплакивают» ее безвременную «кончину»,

либо обращают в ее адрес поток негативной критики, часто подменяя научно-философскую критику критикой идеологии. При этом складывается впечатление, что ни те, ни другие не отличают *форму* материалистической диалектики от ее *содержания*: содержание (наиболее абстрактное определение диалектики) остается прежним, в то время как форма (то, как это содержание представлено в ту или иную историческую эпоху в конкретных социокультурных условиях) периодически меняется. Под видом критики формы начинают критиковать содержание, упуская из виду то обстоятельство, что, с точки зрения содержания, в теории и методологии материалистической диалектики имеется большое количество вопросов, требующих своевременного решения. Нельзя забывать, что, отказываясь от устаревшей формы, мы порой рискуем выплеснуть с водой и ребенка.

Главной проблемой материалистической диалектики является проблема диалектического противоречия. Понятие диалектического противоречия, введенного в философский оборот для обозначения внутреннего источника движения вещей, требуется каждому исследователю, признающему, что весь мир, представленный в единстве его многообразия, есть *процесс*. Хорошо известно, что «формы и виды [тел] можно познать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать» [17, с. 67]. Поскольку *динамика* бытия этого мира, полагаемого как процесс, всегда, пока существует человечество, нуждается в адекватном объяснении и понимании. Оттого нельзя не согласиться с тем, что, «если мы ставим перед собой проблему исследования законов рождения, развития и заката... систем, мы неизбежно встаем перед необходимостью использования системного диалектического метода» [3, с. 136].

Философы и ученые иногда пренебрегают мудрой истиной: «Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло» [15, с. 20]. Вот и сегодня подавляющим большинством исследователей причины «рождения», эволюции и «гибели» (кардинального изменения качественной определенности) тех или иных систем, а также более частные вопросы, касающиеся характера взаимосвязи и, стало быть, динамического взаимодействия разного рода вещей, систем и явлений, вообще не принимаются во внимание. Речь идет, во-первых, о сфере общественно-экономических наук, где в настоящее время господствуют однобокие, пусть и достаточно развитые, эмпирические методы исследования и где наблюдается недостаток культуры теоретического познания, которое нельзя отождествлять только с математизацией эмпирического материала. Так, существует тенденция сведения всей сложной экономической реальности к одним лишь рыночным отношениям (характеристики рынка здесь без всяких оговорок выдаются за характеристики экономики в целом) и игнорирования качественной смены экономических отношений в ходе общественно-исторического развития. Что касается естественных наук, то здесь число ученых, двигающихся в направлении диалектического мышления, стабильно растет, чему мы обязаны развитием многих направлений в рамках теории самоорганизации (теория хаоса, теория сложных систем и т.д.). Все это свидетельствует о том, что материалистическая диалектика как учение о процессуальной природе бытия сущего, движущим источником которого объявляется диалектическое противоречие, сохраняет свое значение. Критическое осмысление диалектико-материалистической методологии с позиций современности, а также оценка эвристического потенциала категориального аппарата материалистической диалектики для решения актуальных научно-философских проблем представлены в работах ряда отечественных и зарубежных авторов (см.: [1, с. 7-11; 4; 7, с. 5-13; 8; 16; 18; 19]).

Вопрос о природе диалектического противоречия относится к *содержанию* материалистической диалектики, а отнюдь не к ее форме и уж тем более не к ее идеологической составляющей. Поэтому крах по преимуществу догматизированной и идеологически выдержанной советской философии не устранил проблем процессуальной природы бытия и возникновения в природе нечто принципиально нового, которые, будучи равнодушными к идеологическим дебатам, по-прежнему требуют адекватного описания и объяснения, особенно на фоне того, что прочие философские направления предпочитают держаться поодаль от обсуждения такого рода вопросов. Таким образом, содержание остается; следует лишь поставить вопрос о возрождении основных проблем материалистической диалектики в более адекватной изменившейся объективной реальности форме.

И все же, чтобы правильно оценить состояние изменившейся формы материалистической диалектики и выработать по отношению к ней новые теоретико-методологические модели, необходимо для начала разобраться в проблемах уже существующих вариантов теории и методологии материалистической диалектики.

Недостаточные, часто поверхностные, а иногда крайне неуклюжие подходы к решению проблемы диалектического противоречия в рамках советской философии связаны, по-видимому, с тем, что с самого начала была поставлена не вполне корректная задача: вывести из содержания «Капитала» К. Маркса чисто логические формы *противоречия вообще*, — другими словами, создать диалектическую логику на основе масштабной, но все-таки частной теории, частной логики — логики политэкономии «Капитала», взятой за образец научного исследования. На самом деле в том же «Капитале» представлена масса *разных* противоречий, функционирующих в зависимости от разных ситуаций. Это запугивало исследователей: заставляло одних упрощать, а других усложнять свои взгляды; и этим объясняется то, что попытки создания общей теории диалектического противоречия в целом потерпели неудачу.

Возможное решение проблемы таково: осознавая многообразие объективных противоречий действительности, следует найти то простейшее, абстрактное основание, которое может послужить отправной точкой для попыток создания теории объективных диалектических противоречий (именно во множественном числе). Таким основанием является понятие структуры диалектического противоречия. Вывод о том, в какой

степени использование понятия «структура» справедливо по отношению к диалектическому противоречию, будет сформулирован в конце настоящей статьи. Пока же обратим внимание на то, что в рамках советской философии вопрос о структуре диалектического противоречия решался на протяжении без малого двадцати лет в рамках дискуссии, поднятой Ф. Ф. Вяккеревым еще в 1963 году на страницах одной из своих работ [6]. К сожалению, участники дискуссии не смогли выйти за границы своеобразного диалектического эмпиризма и сугубо абстрактного теоретизирования, создающего видимость «научности» обсуждения проблемы.

Обращение к работам К. Маркса, созданным в период окончательного перехода немецкого мыслителя на позиции материалистического понимания действительности, способно приподнять завесу тайны над спецификой современного решения проблемы структуры диалектического противоречия и указать возможные ориентиры для будущих исследований на пути создания действительно адекватных теоретических моделей.

В гегельянский период, т.е. в работах, созданных примерно до 1844 г., развитие познания (общества) К. Маркса движется «от хаотического представления о целом, от чувственного “конкретного” к абстрактному, от поверхности явлений к сущности» [5, с. 217]. Изучение самой сущности процесса развития (общества) и сущности определенной — капиталистической — стадии этого процесса на данном этапе не занимает К. Маркса. Это объясняется тем, что познание сущности той или иной стадии развития общества вызывается к жизни потребностями коренного преобразования этой стадии; а осознание этих потребностей, в свою очередь, немислимо без детального анализа общественно-экономических условий, т.е. без анализа политической экономии.

Первой работой К. Маркса, в которой открыто прозвучала политико-экономическая тема, следует считать «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Это не завершённое К. Марксом исследование (одной из важнейших предпосылок к которому стало непосредственное знакомство с ранней статьёй Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (ноябрь, 1843 г.), которую сам К. Маркс впоследствии охарактеризовал как гениальную и которая вызвала живой интерес К. Маркса к политической экономии) было впервые опубликовано на языке оригинала в 1932 г. и вскоре породило острую полемику и многообразные интерпретации.

Как справедливо отмечают многие исследователи, эта работа К. Маркса есть главным образом экономическое исследование, в котором Маркс-экономист возобладал над К. Марксом-философом [2]. Однако в этой же работе предложена серьёзная критика гегелевской «Феноменологии духа», которая приводит К. Маркса к философскому рассмотрению отчужденного труда, т.е. заставляет его выйти за рамки сугубо экономического анализа. Философские выводы, полученные в результате такого рода критики, представляют интерес и с точки зрения имплицитного понимания К. Марксом структуры диалектического противоречия.

Антагонизм труда и капитала, антагонизм между пролетариатом и капиталистом — вот что становится отправной точкой исследования в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Начав с анализа частной собственности, вопрос о происхождении которой, по мнению немецкого мыслителя, ранее игнорировался буржуазными экономистами, К. Маркс, двигаясь через рассмотрение той формы труда, которая создает частную собственность, приходит к понятию отчужденного труда, которое фактически является центральным понятием упомянутых рукописей. Исследуя отношение частной собственности к отчужденному труду, К. Маркс в итоге вскрывает диалектическое противоречие, внутренне присущее частной собственности. Это противоречие выражается в противоположности труда и капитала, причем К. Маркс не ограничивается простым постулированием отношения этих противоположностей. Он, во-первых, указывает на их взаимосвязь и единство, притом такое единство, в котором одна сторона отношения постоянно воспроизводит другую («Рабочий производит капитал, капитал производит рабочего...») [10, с. 100]. Иными словами, здесь подчеркивается, что противоположности отношения «отчужденный труд — частная собственность» внутренне связаны и неотделимы друг от друга: одна сторона отношения существует только благодаря наличию другой стороны.

Далее К. Маркс пытается вскрыть механизм развития и разрешения этого противоречия, указывая на то, что буржуазная политическая экономия, отмечая противоположность между «отсутствием собственности и собственностью», не берет эту противоположность «в ее внутреннем соотношении» и не мыслит ее «как противоречие» [Там же, с. 113], а следовательно, не видит, что именно развитие этого противоречия закономерно приводит к антагонизму труда и капитала. Другими словами, хотя от глаз буржуазных экономистов не ускользает наличие связи между трудом и частной собственностью (когда они, например, характеризуют труд как сущность частной собственности), они совершенно не принимают во внимание тот факт, что «сущность и то, сущностью чего она является, образуют противоположные полюсы экономической жизни капиталистического общества» [14, с. 286]. При этом К. Маркс указывает на то, что каждая из сторон противоречия есть противоположность по отношению к самой себе. Так, например, трудящийся лишен частной собственности (того, что он производит), и трудится он только потому, что лишен ее; а частный собственник, в свою очередь, не трудится лишь постольку, поскольку и без труда получает возможность присваивать себе его продукты. К тому же если капитал есть накопленный труд, а рабочий есть товар, то рабочий, между прочим, суть тоже своеобразный «капитал». Другие примеры, приводимые К. Марксом, звучат подобным образом: «чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий» [10, с. 89], «рабочий видит в капиталисте (и обратно) свое собственное небытие» [Там же, с. 107].

В данном случае хорошо видно, что диалектическое противоречие имплицитно понимается К. Марксом, по сути, лишь как отношение вещей, отличных друг от друга, выраженных друг в друге и взаимообусловленных друг другом. Часто в литературе диалектическое противоречие рассматривают не как отношение противоположных сторон, а только как крайнюю степень различия между ними. Высказывания такого рода

присутствуют не только у Гегеля, но и у самого К. Маркса, притом в тех же «Экономическо-философских рукописях 1844 года» (так, немецкий мыслитель в одном месте отмечает, что «труд, субъективная сущность частной собственности, как нечто исключяющее собственность, и капитал, объективированный труд, как нечто исключяющее труд, — такова *частная собственность* как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности» [Там же, с. 113]). Однако в том же абзаце встречается и другого рода высказывание, где под диалектическим противоречием понимается просто «деятельное соотношение» противоположных сторон сущности вещей.

В «Святом семействе» (1845 г.) — совместном труде К. Маркса и Ф. Энгельса — среди прочего дана критика гегелевского и младогегельянского понимания единства противоположностей как сугубо коррелятивного отношения, которое в итоге оказывается их тождеством. Разбирая точку зрения на соотношение пролетариата и богатства, К. Маркс и Ф. Энгельс пишут, что простой, искусственной констатации целостности этих противоположностей недостаточно, поскольку при попытке ответить на вопрос о причинах, предпосылках их существования исследователь вынужден искать эти причины где-то за пределами этой целостности, т.е. фактически прибегать к телеологии.

«Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности». И, чтобы ответить на вопрос о предпосылках наличия этих противоположностей, следует принять во внимание, что противоположность бедности и богатства «есть не что иное, как *движение* ее обеих сторон» [13, с. 38]. Иначе говоря, все сводится не просто к рассмотрению противоположностей как двух сторон единого целого — важно то место, которое занимает каждая противоположность внутри этого целого, и характер их движения в рамках целого. Поэтому всегда необходим анализ противоположностей не только с точки зрения их роли в той конкретной системе, структуру которой образует их взаимоотношение, но и с точки зрения природы их движения. Так, например, в системе «пролетариат — богатство» частная собственность как богатство есть положительная, консервативная сторона антагонизма, а пролетариат — его отрицательная, революционная сторона. От частного собственника «исходит действие, направленное на сохранение антагонизма», от пролетария — «действие, направленное на его уничтожение» [Там же, с. 38–39]. Таким образом, всякая целостность суть самодвижение обоих ее противоположных — отчасти различных, но в то же время и отчасти тождественных — сторон.

В данных рассуждениях К. Маркса и Ф. Энгельса о природе диалектических противоречий отчетливо проявляется тот факт, что тождество есть действительный момент (не стадия, а именно момент, сохраняющийся в каждый промежуток времени!) противоречия. Некоторые страницы «Святого семейства» посвящены убедительной демонстрации этого положения на конкретном фактическом материале [Там же, с. 39]. Поэтому, прослеживая прогресс в имплицитном понимании К. Марксом структуры диалектического противоречия в «Святом семействе» по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», можно сделать вывод, что К. Маркс фактически сохраняет имплицитное понимание диалектического противоречия как отношения вещей, отличных друг от друга и в то же время тождественных друг другу, выраженных друг в друге и взаимообусловленных друг другом, но конкретизирует его, обращая внимание на такие аспекты противоречивого единства, как роль и характер движения противоположных, но в то же время тождественных друг другу сторон этого единства.

Следующее совместное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса — «Немецкая идеология» (1845–1846 гг.) — крупнейший труд периода становления марксизма, в котором начата последовательная разработка материалистической теории общественного развития вкупе с продолжением критики идеалистической философии в целом и немецкой классической философии в частности (термином «идеология» в заголовке своей совместной работы К. Маркс и Ф. Энгельс называют философию от И. Канта до Л. Фейербаха [14, с. 428]).

Центральным узлом названной работы является положение о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, разрешение которого служит источником развития общества и структурообразующим началом новых общественных отношений. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что «общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом» [12, с. 433]. Структура этого противоречия имплицитно понимается здесь в целом так же, как и ранее: как отношение тождественных и различных в одно и то же время сторон, взаимообусловленных друг другом.

Анализ другой проблемы — отношения общественного сознания к общественному бытию — представлен в «Немецкой идеологии» в похожем ключе. Сознание для К. Маркса и Ф. Энгельса есть прежде всего осознанное общественное бытие. Нельзя говорить о сознании безотносительно к отражению в сознании людей общественного бытия. Само общественное бытие определяет присущее ему общественное сознание, а общественное сознание может оказывать воздействие на изменение общественного бытия. Само общественное бытие не существует без общественного сознания, и наоборот. Поэтому нельзя не согласиться здесь с Т. И. Ойзерманом, который подчеркивает, что общественное бытие в марксизме «не есть *онтологически* первичное, т.е. нечто такое, что существовало до появления общественного сознания» [14, с. 478]. Все эти рассуждения, как можно видеть, пока не выходят за рамки выделенного ранее имплицитного понимания структуры диалектического противоречия в предыдущих работах периода становления марксизма.

Однако новые аспекты такого понимания можно обнаружить уже в следующем крупном труде К. Маркса, посвященном критике теоретических построений П. Ж. Прудона, главным образом его интерпретации гегелевской диалектики. Речь идет о работе К. Маркса «Нищета философии» (1847 г.).

Критикуя идеалистический вариант диалектики, К. Маркс отмечает, что недопустимо предельно отвлекать философские категории от действительных особенностей вещей. Прудон, создавая свою экономическую философию, пытается, как и Гегель, выводить одну экономическую категорию из другой, отрывая эти категории от объективно существующих отношений и вследствие этого неосторожно применяя их к другим типам экономических отношений, в которых нет и быть не может тех реальных аспектов, которые эти категории призваны отражать. В связи с этим К. Маркс требует рассматривать категории в качестве отражения объективно существующих отношений. И диалектическим противоречием, с точки зрения немецкого мыслителя, будет являться внутреннее содержание процессов, воспроизводимых мышлением, а не саморазделение мысли, которая, противопоставляя сама себе, «раздваивается на две мысли, противоречащие одна другой, — на положительное и отрицательное, на “да” и “нет”» [9, с. 132]. Прудон, равно как и Гегель, представляет себе, что диалектический процесс составляет отнюдь не борьба объективно существующих в вещах противоположностей, а только лишь борьба мыслей. Противоречие, по мнению Прудона, существует лишь между идеями. К. Маркс же настаивает на том, что противоречия следует отыскивать и вскрывать в самих реально существующих вещах; и эти противоречия будут отражаться нашим мышлением, а отнюдь не всецело порождаться им.

К. Маркс здесь имеет в виду не просто материалистический принцип отражения объективной реальности в сознании людей. Он параллельно — и опять же преимущественно имплицитно — поднимает проблему соотношения онтологического (предметно-содержательного) и гносеологического (логического) аспектов природы диалектического противоречия. Другими словами, есть объективное (предметное) противоречие, а есть его теоретический образ, только в отношении которого между прочим можно говорить об антиномиях как формах существования и развития противоречий в познании.

Что касается структуры диалектического противоречия, то она, по мнению Прудона, предполагает простое разделение той или иной категории на две стороны — дурную и хорошую, — взаимодействие которых и порождает противоречие. Поскольку это разделение происходит только в мышлении, для устранения противоречия нужно просто устранить дурную сторону из мысли путем присоединения к одной категории другой категории, служащей противовесом ее дурной стороне. В итоге получается безосновательная игра словами, что оставляет философские соображения Прудона далеко позади соображений Гегеля, у которого диалектика не имела ничего общего с субъективистским морализаторством. Развивая критику взглядов Прудона, К. Маркс формулирует следующую мысль: «Сосуществование двух взаимнопротиворечащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» [Там же, с. 136].

Подытоживая полемику К. Маркса с Прудоном, следует отметить, что в очередной раз К. Маркс имплицитно понимает диалектическое противоречие как отношение отличных друг от друга моментов в сущности самих вещей, причем каждая сторона отношения обуславливает существование другой его стороны. Кроме того, отражение противоречия в мышлении людей нужно отличать от объективного, предметного противоречия.

В «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.), одной из самых известных совместных работ К. Маркса и Ф. Энгельса, в числе прочего делается акцент на анализе классовой структуры общества. Всякому исторически определенному типу общества, по мнению основоположников марксизма, присуще свойственное только ему специфическое разделение на два основных класса, к которым примыкают прочие многочисленные социальные слои [11, с. 424–425]. Отношение двух основных классов образует основное противоречие данного общественного строя: противоречие между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых (при капитализме, к примеру, роль противоположных друг другу классов играют буржуазия, владеющая средствами производства, и пролетариат, владеющий только своей рабочей силой и вынужденный подчиняться власти капитала). Это противоречие существует всегда, но, однако же, оно далеко не всегда имеет явный, ярко выраженный внешне характер. Развитие этого межклассового противоречия имеет своим итогом социальную революцию, результатом которой может стать если не полное низвержение господствующего класса, то существенная перестройка общественных отношений.

Поскольку в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс строго — и, кстати говоря, впервые в истории политической экономии — привязывают характеристики двух главных классов к общественным отношениям производства, то не совсем корректно, как это делалось во многих советских изданиях, называть классовую борьбу движущей силой (причиной) исторического процесса. Классовая борьба суть лишь политическая форма выражения противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое, строго говоря, и является источником общественного развития. Четкого понимания механизма действия этого противоречия еще нет в тексте «Манифеста», однако используемая здесь же терминология («производительные силы», «производственные отношения» и т.д.) позволяет заключить, что в целом механизм развертывания основного противоречия общественного развития в общих чертах уже верно понимается основоположниками марксизма.

Что касается имплицитного понимания К. Марксом структуры диалектического противоречия, то оно охватывается в «Манифесте Коммунистической партии» в целом на прежнем уровне. Антагонизм основных классов выражает собой отношение двух отчасти отличных друг от друга, а отчасти тождественных друг другу сторон, предполагающих и обуславливающих друг друга. При этом снова отмечается не просто постулирование

противоположных сторон, но и роль условий, определяющих характер движения и развертывания указанного отношения. Эти условия определяют, иначе говоря, характер существования противоречий.

Итак, анализ работ К. Маркса, написанных в период с февраля 1844 г. по февраль 1848 г., на предмет имплицитного понимания им диалектического противоречия позволяет выявить следующее: на страницах всех рассмотренных выше сочинений К. Маркс высказывается о противоречии прежде всего как об отношении отличных друг от друга сторон в рамках одной сущности, причем существенное различие внутри одной и той же сущности есть не что иное, как преобразованное различие между разными сущностями. К этому положению добавляется вполне осознанное заключение, что, помимо общей фиксации противоположных сторон, важно учитывать то место, которое занимает каждая противоположность внутри этого целого, и характер их движения в рамках целого. Разницей в условиях определяется различие в самом характере противоречий, даже если с точки зрения «состава» эти отношения полностью тождественны.

Таким образом, весьма сложно получить представление об *общей* структуре диалектического противоречия на основе представленных выше рассуждений К. Маркса. В то же время в работах Г. В. Ф. Гегеля, критикой которого увлечен молодой немецкий философ, *общая* структура умозрительно, идеалистически понимаемого диалектического противоречия прослеживается, и прослеживается эксплицитно.

Должно полагать, что К. Маркс в еще очень поверхностной, неявной форме установил чрезвычайно важный факт: в действительности, выступающей предметом всякого анализа, представлена масса разных диалектических противоречий, функционирующих в зависимости от разных условий, разных ситуаций. В отношении к разным диалектическим противоречиям, которые характеризуются разными аспектами, разными условиями своего развертывания, некорректно заявлять об общей для всех них структуре. Говорить о «противоречии вообще», не имеющем конкретной предметной или исторической формы, может только тот исследователь, который в процессе своей теоретической деятельности производит «отрыв» вещей от их отношений, т.е. не выходит за границы своеобразного диалектического эмпиризма и сугубо абстрактного теоретизирования, создающего видимость «научности» обсуждения проблемы. Именно такое положение вещей во многом характерно для Гегеля и Прудона.

Получается, что никакой *общей* природы и структуры диалектического противоречия не существует. Диалектическое противоречие имеет место только там, где есть отношение, взаимодействие вещей. Поэтому всякое противоречие — и это хорошо видно на материале рассмотренных выше сочинений К. Маркса — есть не что иное, как две отличных друг от друга стороны и отношение между ними. Это и есть, если хотите, «структура» диалектического противоречия в том виде, в каком она вообще может существовать объективно. Изменение условий (а полностью одинаковых условий не бывает никогда) позволяет говорить об уникальности каждого отношения вещей, а значит, и об уникальности всякого диалектического противоречия и его реальной (а не формальной) структуры.

Более того, диалектическое противоречие суть такое отношение, в результате которого вещи, будучи сторонами этого отношения и отличая себя друг от друга, самоорганизуются как системы, как данные конкретные целые качественные определенности, структурные элементы которых обеспечивают их сохранение. В отражении сущностной нетождественности вещи самой себе (соотношение с собой), существующей лишь через внешнее соотнесение вещи с другой вещью, и заключается понимание противоречивой природы бытия сущего. Противоречие здесь выступает как структурообразующий источник, источник системной организации вещи. Это значит, что системным характером обладает не противоречие, но бытие конкретной вещи; а структура есть не что иное, как *следствие* разрешения диалектического противоречия.

Недооценка изложенных выше фактов, судя по всему, и стала камнем преткновения в попытках создания теории диалектического противоречия в рамках советской философии. Ведь эти попытки, несмотря на проделанную работу и вопреки некоторым претенциозным заявлениям, имевшим нередко идеологическую основу, в целом окончились неудачей.

Конечно, на страницах рассмотренных выше трудов К. Маркса нет представленных выше выводов, равно как нет их и на страницах его более поздних сочинений. Между тем обращение к работам К. Маркса, созданным в период с февраля 1844 г. по февраль 1848 г., позволяет, по мнению автора настоящей статьи, приподнять завесу тайны над спецификой современного решения проблемы структуры и природы диалектического противоречия и наметить возможные ориентиры для будущих исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Баллаев А. Б. Читая Маркса: историко-философские очерки. М.: Праксис, 2004.
2. Баллаев А. Б., Козлова М. С. Предназначение философии. Мысли Маркса // Историко-философский ежегодник '89. М.: Наука, 1989. С. 5–25.
3. Бугалин А. В. Диалектика: в поисках ответов на вызовы глобальных трансформаций XXI века // Пределы капитала. М.: Культурная революция, 2009. С. 132–150.
4. Бугалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). М.: Культурная революция, 2009.
5. Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М.: Изд-во МГУ, 1975. 223 с.
6. Ваккерев Ф. Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М.: Высшая школа, 1963. 96 с.
7. Джохадзе Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики: эпоха античности. М.: КомКнига, 2005.
8. Казеннов А. С. Диалектика как высший метод познания. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.

9. **Маркс К.** Нищета философии. Ответ на «философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1974. Т. 4. 616 с.
10. **Маркс К.** Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. 537 с.
11. **Маркс К., Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии // Маркс К. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. 616 с.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных Пророков // Маркс К. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. 630 с.
13. **Маркс К., Энгельс Ф.** Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. 652 с.
14. **Ойзерман Т. И.** Возникновение марксизма. М: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011. 599 с.
15. **Поршнева Б. Ф.** О начале человеческой истории. М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
16. **Солопов Е. Ф.** Логика диалектики. К 240-летию со дня рождения Гегеля. М.: Либроком, 2011.
17. **Энгельс Ф.** Письмо к Марксу от 30 мая 1973 г. // Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1964. Т. 33. 789 с.
18. **Ollman B.** Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method. Univ. of Illinois Press, 2003.
19. **Woods A., Grant T.** Reason in Revolt. Dialectical Philosophy and Modern Science. Delhi: Aakar Books, 2007.

**PROBLEM OF DIALECTICAL CONTRADICTION STRUCTURE
IN K. MARX'S WORKS OF 1844-1848**

Yurii Valer'evich Zhulii
Department of Philosophy
Siberian Federal University
shooshpan@yandex.ru

The author analyzes K. Marx's non-explicit ideas about dialectical contradiction structure, which influenced the content of the German philosopher's works written during the period from February 1844 till February 1848, and substantiates the heuristic value of Marx's reasoning for the modern and actual solution of the problem of dialectical contradiction nature and structure.

Key words and phrases: dialectical contradiction; structure; materialist dialectics; Marxism; Marx.

УДК 94(5)

Исторические науки и археология

Важной вехой не только в истории российско-китайских отношений, но и значимым событием международного значения стал конфликт на КВЖД 1929 г. В статье автор рассматривает течение конфликта, анализирует особенности внешней политики Китая и СССР, характеризует работу среди китайских военнопленных, оказавшихся в результате конфликта на советской территории.

Ключевые слова и фразы: Китай; СССР; КВЖД; советско-китайские отношения; китайские военнопленные.

Ольга Владимировна Залеская, д.и.н.

Кафедра китаеведения

Благовецкий государственный педагогический университет

olgazallesskaya@gmail.com

КОНФЛИКТ НА КВЖД 1929 Г. И РАБОТА С КИТАЙСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ[©]

В 1920-е гг. серьезной проблемой во взаимоотношениях СССР с Китаем оставался вопрос о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Соглашение 31 мая 1924 г. определило только общие принципы советско-китайского взаимодействия, все конкретные вопросы должны были быть решены на специальной советско-китайской конференции. По мнению китайской стороны, на конференции необходимо было обсудить и следующие назревшие проблемы: о плавании советских судов по Сунгари, о выкупе КВЖД, об определении границ между СССР и Китаем, о возмещении убытков китайским гражданам, понесенных ими во время Гражданской войны в России. Такая конференция открылась 26 августа 1925 г., но ни один вопрос не был рассмотрен, и подкомиссии, которые должны были заняться разработкой интересующих обе стороны вопросов, были распущены.

Первое столкновение между советскими и китайскими членами администрации дороги произошло в 1925 г. – поводом послужил приказ управляющего дорогой А. Н. Иванова об увольнении русских служащих КВЖД. В январе 1926 г. возник острый конфликт на КВЖД по вопросу об уплате за мукденские военные перевозки, в результате захвата на ст. Куанчэнцзы китайскими солдатами почтового поезда движение по всему южному участку КВЖД оказалось парализованным. 22 января того же года в Харбине китайскими военными властями был арестован управляющий КВЖД Иванов.